

Исламизация, исламизм и экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750021339-4

Оригинальная статья / Original article

Постисламизм: от исламизма к мусульманской демократии? Трансформация исламистских партий Туниса и Марокко

© Жерлицына Н.А.^{a,b}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

Резюме. В статье анализируется трансформация партий политического ислама в Тунисе и Марокко после прихода к власти вследствие революционных событий Арабской весны. Именно тогда, в 2010-х гг., после десятилетий репрессий и изоляции, приверженцы политического ислама получили возможность стать ключевыми игроками на новой политической сцене региона. Политический ислам как современная идеология сталкивается с фундаментально экзистенциальными вопросами о природе и актуальности исламизма как политического проекта, а тема участия исламистов в политической жизни мусульманского мира становится все более актуальной.

В Тунисе и Марокко партии политического ислама получили возможность интеграции и признания на политической арене. Включение исламистов в легальную политическую жизнь способствовало их идеологической и политической трансформации, особенно в отношении таких сложных вопросов, как взаимосвязь между религией и политикой, вопросы индивидуальных свобод, прав человека, меньшинств и женский вопрос.

Для определения произошедших за истекшее десятилетие изменений ученые используют термины «постисламизм» и «неоисламизм». Которые подразумевают трансформацию социально консервативных партий в сторону принятия правил гражданской демократической политической системы и отказа от исламизации общества сверху. Тунисская исламистская партия «Ан-Нахда» и марокканская «Партия справедливости и развития» прошли за истекшее десятилетие в чем-то сходные пути, пройдя через горнило власти и принятия ответственности за происходящие в их странах процессы. Они также продемонстрировали гибкость в поиске компромиссов и проведении разделительных линий между своей деятельностью по религиозной проповеди и политикой. Обе партии продолжают поиски баланса в сочетании правильных доз исламизма, демократии, плюрализма, светскости и национальных интересов.

Ключевые слова: политический ислам, постисламизм, Тунис, Марокко, «Ан-Нахда», «Партия справедливости и развития»

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Жерлицына Н.А. Постисламизм: от исламизма к мусульманской демократии? Трансформация исламистских партий Туниса и Марокко. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 50-58. DOI: 10.31857/S032150750021339-4

Post-Islamism: From Islamism to Muslim democracy? Transformation of Islamist parties in Tunisia and Morocco

© Natalia A. Zherlitsina^{a,b}, 2022

^a Institute for African Studies,

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b RUDN University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of the parties of political Islam in and after coming to power as a result of the revolutionary events of the Arab Spring. It was then, in the 2010s, after decades of repression and isolation, that adherents of political Islam had the opportunity to become key players on the new political scene in the region. Political Islam as a modern ideology faces fundamental existential questions about the nature and relevance of Islamism as a political project, and the issue of Islamists' participation in the political life of the Muslim world is becoming increasingly relevant. In Tunisia and Morocco, parties of political Islam have been given the opportunity to integrate and be recognized in the political arena.

The inclusion of Islamists in legal political life in Tunisia and Morocco contributed to their ideological and political transformation, especially in relation to such complex issues as the relationship between religion and politics, issues of individual freedoms, human rights, minorities and women's issues. Scholars use the terms "post-Islamism" and "neo-Islamism" to define the changes that have taken place over the past decade. Which imply the transformation of socially conservative parties towards the adoption of the rules of a civil democratic political system and the rejection of the Islamization of society from above.

The Tunisian Islamist party Ennahda and the Moroccan Justice and Development Party have gone through somewhat similar paths over the past decade, having passed through the crucible of power and taking responsibility for the processes taking place in their countries. They have also shown flexibility in finding compromises and drawing dividing lines between their religious preaching activities and politics. Both parties continue to strike a balance in combining the right doses of Islamism, democracy, pluralism, secularism and national interests.

Keywords: political Islam, post-Islamism, Tunisia, Morocco, Ennahda, Justice and Development Party

For citation: Zherlitsina N.A. Post-Islamism: From Islamism to Muslim Democracy? Transformation of Islamist Parties in Tunisia and Morocco. 2022. № 8. Pp. 50-58 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021339-4

ВВЕДЕНИЕ

Революции Арабской весны стали важной вехой в отношениях государства и исламизма в странах Ближнего Востока и Северной Африки. После десятилетий репрессий и изоляции приверженцы политического ислама предстали ключевыми игроками на новой политической сцене региона. В Египте, Тунисе, Марокко, Йемене, Сирии и Ливии дискурс, стратегия и поведение исламистов определили исход арабских восстаний.

Тема участия исламистов в политической жизни становится все более актуальной. Современный исламизм имеет социальные и политические устремления, направленные на интеграцию ислама как такового в политику, государственные дела, экономику, гражданское и конституционное законодательство. Наиболее точное определение этого феномена дал, пожалуй, Мохаммад Айуб, специалист в области международных отношений из Мичиганского университета, который описал исламизм как «форму инструментализации ислама отдельными лицами, группами и организациями, преследующими политические цели» [1, р. 2].

Политический ислам как современная идеология сталкиваются с фундаментально экзистенциальными вопросами о природе и актуальности исламизма как политического проекта. В XX в. некоторые арабские режимы десятилетиями пытались изгнать ислам из политики, но эти усилия лишь укрепили движение. Кардинальные перемены начались с событий Арабской весны, положивших начало трансформации идеологии, поведения и стратегии исламистов.

В следующие 10 лет исламистское движение развивалось в трех направлениях.

В странах, где государственность оказалась под вопросом вследствие революций, например, в Йемене и Ливии, и произошло усиление влияния негосударственных салафитских и джихадистских движений, они не оставили партиям политического ислама другого выхода, кроме участия в конфликтах и гражданских войнах, чтобы не быть исключенным из политического процесса.

К следующей группе стран относятся Египет, Иордания и Сирия, где отношения государства и исламистов варьируются от частичного исключения исламистов из политической жизни, например, в Иордании, до полного исключения и искоренения - как в Египте и Сирии. Конфронтация обернулась расколами внутри самих исламистских движений и партий, а также ростом консервативных голосов внутри этих движений.

И, наконец, в таких странах, как Марокко и Тунис, исламисты получили возможность интеграции и признания на политической арене. В этих случаях включение исламистов в легальный политический процесс способствовало их идеологической и политической трансформации, особенно в отношении таких сложных вопросов, как взаимосвязь между религией и политикой, индивидуальные свободы, права человека, меньшинств и женский вопрос.

Включение исламистов в легальную политическую жизнь в Тунисе и Марокко привело к тому, что их взгляды и идеология стали более умеренными. Ряд ученых определяют происходящие перемены, используя термины «постисламизм» и «неоисламизм». Так, американский арабист иранского происхождения Асеф Байат определяет постисламизм как «сознательную попытку концептуализировать и разработать стратегию обоснования и способов преодоления исламизма в социальной, политической и интеллектуальной сферах» [2, р. 11]. Постисламизм признает светские требования и подчеркивает религиозность и права человека, продвигая таким образом «альтернативную» или «множественную» современность. Он стремится соединить религиозность и права, веру и свободу, ислам и свободу [3, р. 21]. Французский политолог О.Руа считает, что постисламизм - это попытка обновить исламизм и объединить его со свободой личности, демократией и современностью [4, р. 15].

Постисламизм выражается в признании светских требований, в свободе от жесткости, в более мягкой трактовке религиозной истины. Уважая значительную роль религии в общественном пространстве, он признает потенциальную опасность идеи религиозного государства как для религии, так и для государства. На практике постисламизм подразумевает трансформацию социально консервативных партий в направлении принятия правил гражданской и демократической политической системы и отказа от исламизации общества сверху и может стать мостом к форме «гражданского ислама».

Австралийский ученый Т.Чамхи склоняется к термину «неоисламизм», объясняя трансформацию партий политического ислама после революций Арабской весны. По словам Чамхи, неоисламизм подразумевает, что шариат не является непосредственным приоритетом для исламистов, чье внимание переключилось с религиозной прозелитизации (*да'ва* - проповедь) на политические, социальные и моральные реформы [5, p. 456].

Неоисламисты стремятся к конечным целям шариата, но не привязывают каждую ситуацию к определенному религиозному тексту. Они верят, что ислам динамичен и представляет собой не набор фиксированных правил и принципов, а скорее органичную систему верований, которая может адаптироваться и жить в ногу со временем. Неоисламисты могут быть прогрессивными и, в некоторых вопросах, даже либеральными.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСЛАМИЗМА В ТУНИСЕ

Тунисская исламистская партия «Ан-Нахда»¹ по праву может считаться авангардом нового политического течения, имеющего конечной целью строительство партии «мусульманской демократии». Это успешный пример действенности формулы «умеренность через включение», подразумевающей, что постепенное включение радикальных и антисистемных партий в политическую систему заставляет их отступать от своих первоначальных крайних взглядов, чтобы иметь возможность конкурировать в плюралистической среде. Общие правила и ограничения участия в политической жизни страны неизбежно вынуждают таких акторов пересмотреть строгие идеологические позиции для достижения хотя бы некоторых политических целей, поставленных партией.

«Ан-Нахда» непрерывно находится у власти с 2011 г., получив 41% мест в Учредительном собрании на всенародном голосовании после «Жасминовой революции»², затем - входя в состав правящей коалиции по результатам всеобщих выборов 2014 и 2019 гг. - соответственно, по 31,79% и 19,63%. Самыми сложными для партии стали первые три года пребывания у власти - с 2011 по 2013 гг. Сказались постреволюционный кризис общества и экономики, отсутствие опыта государственного управления у членов партии, завышенные ожидания народа по отношению к новой власти и неумение находить компромисс с политическими оппонентами.

Светские партии возложили на «Ан-Нахду» вину за ее мягкую позицию в отношении салафитского политического насилия в стране в эти годы [6, p. 369]. В 2013 г. ситуация в Тунисе ухудшилась почти до того же состояния, что и в Египте после военного переворота, в результате которого был свергнут президент Мухаммед Мурси. Одним из драматических последствий стала последовательная отставка премьер-министров, представлявших «Ан-Нахду», Хамади Джебали в начале марта 2013 г. и Али Ларайеда - в декабре 2013 г. после резонансных убийств оппозиционных политиков левого толка - Ш.Белаида и М.Брахми. В отличие от президента Египта Мурси, не пожелавшего уйти в отставку после массовых протестов, вспыхнувших против его правительства и приведших к перевороту, «Ан-Нахда» доказала, что готова отказаться от власти сейчас для сохранения своих позиций в будущей политической структуре Туниса.

Участие в правительственной коалиции вместе с партиями либерального толка с 2014 г. положило начало трансформации партии. Она открыто признала свои прошлые ошибки в отношении движения джихадистов в период с 2011 по 2014 гг. «Ан-Нахда» преодолела идеологические разногласия и обратилась к разным партиям, чтобы избежать монополии на управление в послереволюционный период. В отличие от Египта, где фундаменталистское мышление «Братьев-мусульман» и нежелание сотрудничать с оппозицией привели к падению этой организации, «Ан-Нахда» приобрела имидж партии, способной двигаться вперед путем диалога и компромисса, а не партии старого типа, скованной неизменной радикальной идеологией.

Таким образом, «Ан-Нахда» оказалась способной пойти на компромисс и нормализацию отношений с государством и обеспечила свое присутствие в преимущественно светско-либеральном правительстве. Яркий пример растущего согласия партии с элитами - голосование парламентариев от «Ан-Нахды» за снижение налогов на импорт алкогольных напитков в 2015 г. [7, p. 34]. Этот шаг вызвал упреки части общественности, поскольку противоречил религиозным ценностям и представлениям партии о социальной справедливости. «Ан-Нахда» также поддержала реформы, рекомендованные Международным валютным фондом, которые наносили удар по экономическим интересам как ее базового электората, так и избирателей ту-

¹ «Ан-Нахда» - исламистская партия, основанная в 1989 г. Рашидом аль-Ганнуши. На рубеже 1980-1990-х гг. была практически полностью разгромлена президентом Бен Али. Р.Ганнуши бежал из страны и вернулся только после революции Арабской весны в 2011 г. (*прим. авт.*).

² «Жасминовая революция» - общенациональное возмущение в Тунисе в 2010-2011 гг., в результате которого Бен Али отдался от власти и бежал из страны (*прим. авт.*).

ниского среднего класса, на которых партия начала ориентироваться. Принятые меры включали замораживание найма в государственном секторе, сокращение субсидий на топливо и повышение цен на электроэнергию и бензин. Однако партия воздержалась при голосовании по идеологически весомому вопросу - о равных правах наследования для женщин, опасаясь отчуждения своей консервативной базы поддержки на том основании, что этот проект противоречил шариату, и в то же время не проголосовала «против», чтобы не ставить под угрозу консенсус со светскими партиями [8, p. 482].

Идеологи «Ан-Нахды» пришли к выводу, что исламизация не поможет преодолеть социально-экономические проблемы страны, и решили сосредоточиться на разработке государственной политики, а не идеологии. Примечательно, что все эти годы у руководства партией оставался один человек - Рашид аль-Ганнуши (р. 1941 г.). Создатель и бессменный лидер «Ан-Нахды» на протяжении более чем 40 лет, Ганнуши и сегодня формирует актуальную повестку. Как «духовный и политический лидер» Ганнуши, опираясь на активистов партии, которые, как и он, провели 1990-е и 2000-е гг. в изгнании в Европе, при реформировании партии берет за образец христианских демократов Германии и стран Скандинавии [9, p. 19]. Он регулярно подчеркивает, что «Ан-Нахда» считает себя консервативной демократической партией с религиозной ориентацией, позиционирующей себя как умеренную, гражданскую и демократическую организацию.

Ориентируясь на шведскую модель, Р.Ганнуши считает, что будущее Туниса за внедрением исламской этической экономической системы, несущей ценности гражданства и гарантирующей частную собственность, без ущемления индивидуальных и коллективных свобод. Современное кредо «Ан-Нахды» - синтез между господствующим капиталистическим порядком и исламским мышлением, способствующим социальной справедливости.

Типичный образ члена партии также претерпевает изменения. По мнению Ганнуши, сегодня - это «умеренный мусульманин маликитского мазхаба, приверженный Тунису и преданный национальному государству. Гражданин, полностью вовлеченный в общественные дела и согласный с духом ислама и ценностями современности, свободой, наукой, демократией, правами человека, гендерным равенством и народным суверенитетом, работающий на благо всех мусульман и братство народов Магриба. Он убежденный приверженец нового исламского проекта, основанного на политической специализации, и опровергает любую тотальную модель ислама» [10, p. 11].

Вышеприведенные слова Ганнуши прозвучали на поворотном для политической жизни партии мероприятии - X Конгрессе «Ан-Нахды», состоявшемся 20-22 мая 2016 г. в г. Хаммамет. Там было озвучено epochальное решение - руководство «Ан-Нахды» решило разделить религиозную и политическую деятельность и «специализироваться» отныне только на политической. Как заявил в интервью лидер партии Р.Ганнуши, эта специализация означает, что партия «покидает политический ислам и переходит в демократический ислам. Мы - мусульманские демократы, которые больше не претендуют на то, чтобы представлять политический ислам» [11, p. 9].

Специализация - это попытка пересмотреть отношения между религией и политикой, освободить политическую деятельность от религиозных соображений, с одной стороны, и освободить религиозные позиции и действия от политических манипуляций, с другой. «Мы хотели бы продвигать новую «Ан-Нахду», обновить наше движение и вывести его в политическую сферу, вне какой-либо связи с религией. До революции мы прятались в мечетях, профсоюзах, благотворительных организациях, потому что реальная политическая деятельность была запрещена. Но теперь мы можем открыто быть политическими деятелями», - сказал он [12, p. 41].

В заключительном заявлении Конгресса подчеркивалось, что «Ан-Нахда» покончила со своей двойной идентичностью партии и движения, став, таким образом, национально-демократической политической партией с исламской ориентацией, открытой для всех тунисских мужчин и женщин. Символическим шагом стало выдвижение «Ан-Нахдой» в 2018 г. тунисского еврея Симона Саламы своим кандидатом на муниципальных выборах в г. Монастир [13].

В соответствии с решениями X Конгресса, проводя курс на специализацию в политической сфере, партия создала новый орган - «Академия обучения и лидерства Эр-Рияда», чтобы обеспечить себя квалифицированными кадрами политиков и привлечь талантливую молодежь. Эта новая структура намерена готовить новых активистов и обучать их политическому ремеслу, уделяя основное внимание экономике, геополитике и политическим коммуникациям. Академия занимается отбором, обучением и продвижением будущих политических кадров. По мнению ее президента Фетхи Айади, создание Академии обусловлено управленческой логикой, направленной на повышение эффективности партии, «потому что мы хотим быть лидерами завтрашнего дня» [14]. Создание Академии Эр-Рияда подтверждает стремление партии стать полностью политическим игроком.

Приняв решение о преобразовании «Ан-Нахды» в политическую партию, Конгресс призвал ее членов практиковать проповедничество и другие неполитические дела в независимых неправительственных и

некоммерческих ассоциациях. Однако решение 2016 г. о переориентации исключительно на политику, хотя и одобренное большинством делегатов партийного съезда, остается проблематичным. Ослабление акцента на исламе в идеологии «Ан-Нахды» привело к кризису идентичности, который создает значительные проблемы для партии. Поскольку она больше не называет ислам системой отсчета, это нейтрализует ее роль как движущей силы социальных изменений, и «Ан-Нахда» теряет своих корневых сторонников из-за того, что теперь апеллирует к более широкому электорату.

Следует заметить, что данное решение не нашло однозначной поддержки среди членов партии и воспринимается как конъюнктурное и принятое во многом, чтобы добиться признания со стороны светских сил Туниса и стран Запада, стоящих за ними. «Ан-Нахда» дорого заплатила за специализацию, поскольку потеряла часть сторонников и членов, которые были разочарованы отходящей от традиционного ислама траекторией партии и начали ориентироваться на другие варианты, то есть на салафитские группы Туниса [15, с. 721].

Таким образом, перед «Ан-Нахдой» стоит тонкая задача сформулировать консервативное видение и платформу, которые отводили бы исламу видное место в её риторике и беспокоящих её вопросах, но в то же время не бросали вызов фундаментальным основам политического порядка. Будущее партии будет зависеть от того, как она переосмыслит роль ислама, чтобы выйти за рамки идеологии и перейти к политике идентичности. Другими словами, задача состоит в том, чтобы перейти от классического исламизма, который подчеркивает роль религии как источника законодательства, ориентира для поведения в обществе и основу для надлежащего управления, к более общему консерватизму [16, с. 38].

Избиратели Туниса и часть рядовых членов «Ан-Нахды» разочарованы не только постепенным размытием доктринальных аспектов деятельности партии, но и тем, что партия, находясь у власти с 2011 г., до сих пор не смогла стать движущей силой политических, экономических и социальных перемен. Нейтрализация исторической позиции «Ан-Нахды» в пользу либеральных социально-экономических реформ нанеся ущерб легитимности партии. Согласование с повесткой дня коалиционного правительства привело к тому, что политические решения «Ан-Нахды» перестали отражать первоначально заявлявшиеся цели партии. Из-за этого она теряет поддержку тех избирателей, которые выступают за усиление роли государства и патернализм.

Получив большинство мест на парламентских выборах в 2019 г., «Ан-Нахда» сейчас занимает прочные позиции. Она стала ключевой частью политического истеблишмента, и ее приверженность национальной безопасности Туниса не поколебалась с тех пор, как она выступила против движения джихадистов. Она также выступает активным сторонником того, что она называет «мусульманской демократией», а не исламизма, как раньше. Однако «Ан-Нахда» еще не разъяснила, что на практике означает «мусульманская демократия».

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСЛАМИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МАРОККО

История марокканского исламистского движения - благодатная почва для изучения трансформаций, пережитых исламистскими политическими партиями в процессе становления и после прихода к власти. Первая исламистская партия - «Исламское молодежное движение» - возникла еще в 1969 г. «Исламская группа», основанная А.Бенкираном, М.Ятимом и С. эль-Отмани в 1981 г., столкнулась с проблемами легализации, им пришлось заменить ее на «Движение за реформы и возрождение». В сентябре 1996 г. произошло слияние этой партии и «Лиги за становление ислама», возглавляемой А.Райсуни, с целью создания «Движения за единство и реформы». Еще через два года - в 1998 г. руководители «Движения за единство и реформы» сочли необходимым учредить политическую партию, которая представляла бы «Движение» на политической арене. Ею стала «Партия справедливости и развития» (ПСР).

Само «Движение за единство и реформы» продолжало функционировать как исламская организация, ставящая целью обновление общества посредством религиозного образования, реализации социальных и культурных проектов. Таким образом, исламисты Марокко стали пионерами «специализации», характеризующейся функциональным разделением между политической деятельностью и работой, связанной с поведенью, благотворительностью и социальной помощью.

Члены «Движения за единство и реформы» баллотируются на общенациональных парламентских выборах начиная с 1997 г., когда они получили 9 мест [17, р. 139]. Если тогда основу повестки депутатов-исламистов составляли вопросы идентичности, этики и морали, то уже во время следующего срока работы парламента в 2002-2006 гг. избранные 42 представителя ПСР решили принять более прагматичную стратегию в ущерб идеологическим устремлениям. Особенно явно это ощущалось после «марокканского 11 сентября» - 16 мая 2003 г., когда исламистские террористы, близкие к «Аль-Каиде», совершили пять взрывов в Касабланке [18, р. 39]. Часть политического истеблишмента Марокко возложила моральную от-

ветственность за произошедшее на ПСР, некоторые левые парламентарии даже призывали к ее роспуску. Власти королевства подчеркивали, что по конституции создание партий на религиозной основе также запрещено. Так, в официальной речи после взрывов 2003 г. король Мухаммед VI отметил, что как эмир верующих он считается «единственным религиозным авторитетом для марокканской нации, поэтому не будет места для партий или ассоциаций, которые стремятся выступать от имени ислама в целом или для его опеки» [19]. Давление со стороны власти как реакция на взрывы 16 мая стало еще одной возможностью для исламистов в разграничении религии и политики.

Большое значение для создания теоретической основы сосуществования «Движения за единство и реформы» и ПСР имели труды интеллектуальных лидеров исламистов. Так, в 2009 г. один из создателей и ведущих политиков партии Саад-Эддин Эль-Отмани опубликовал книгу «Религия и политика: различие, а не разделение» [20]. Основная идея автора состоит в том, что исламская политическая мысль может черпать вдохновение в модели западной демократии, если будет создан механизм регулирования дистанции между религиозным и политическим. Наилучшей моделью государства для стран ислама, по мнению марокканского политика, стало бы нечто среднее между французским лаицизмом и теократической моделью абсолютной интеграции религии в политику.

Помимо теоретического осмысления взаимоотношений политики и проповеди, исламисты Марокко закрепили специализацию партии и движения, приняв партийные документы, в которых излагались принципы разделения. В 2008 г. на своей шестой конференции «Партия справедливости и развития» представила институциональный ответ на проблему взаимоотношений между религиозным и политическим в «Тезисах о демократической борьбе», охарактеризовав партию как «гражданскую политическую партию с исламской структурой, действующую в соответствии с правилами демократии» [21, р. 126].

Несмотря на разделение структур, границы между движением и партией и сегодня остаются размытыми, что позволяет циркулировать между ними руководителям и активистам, а также дает им возможность оказывать взаимную поддержку. Специализация не привела к разрыву между «Движением за единство и реформы» и ПСР. Напротив, движение продолжает играть важную роль как стабильная база активистов и структура для привлечения сторонников. Движение оказывает существенную поддержку партии на выборах, а благодаря своим кадровым ресурсам и проводимым мероприятиям оно становится важным инструментом социального руководства и политической мобилизации.

Протесты Арабской весны 2011 г. способствовали выдвижению исламистов на передний план политической жизни как в регионе в целом, так и в Марокко, в частности. Страх перед народными протестами, которые быстро распространились по всему региону, побудил монархию открыть политическое поле для конкуренции. Власти королевства ответили, по крайней мере частично, на требования протестующих путем проведения двух процессов: конституционного и политического. Первый включал широкий пересмотр конституции 1996 г., о котором было объявлено в речи короля Мухаммеда VI 9 марта 2011 г. Одна из поправок предусматривала, что лидер партии, победившей на парламентских выборах, становится премьер-министром страны. Королевские власти Марокко рассматривали ПСР как предохранительный клапан в период после Арабской весны, делая ставку на ее популярность, с целью уменьшить общественные противоречия, что привело к стратегическому сотрудничеству партии и королевского дворца.

ПСР удалось занять лидирующие позиции на парламентских выборах 2011 г., она получила 107 из 395 мест в парламенте [22, р. 759]. Ее лидер Абделила Бенкиран стал премьер-министром (2011-2017 гг.). На выборах в 2016 г. партия подтвердила свое лидерство, улучшив результат на треть - она получила 125 мест [23, р. 287]. Таким образом, ПСР стала единственной исламистской партией в арабском мире, которая удерживала власть в течение двух правительственных мандатов подряд и одерживала последовательные победы на выборах.

Опыт работы в правительстве подверг партию испытанию. Ее руководство с самого начала осознавало, что действовать придется в рамках политической системы, краеугольным камнем которой является монархия, и что любая попытка политических изменений будет безуспешной без благословения королевского института. С первых дней у власти партия твердо верила, что отношения с монархией должны строиться на основе сотрудничества, а не конкуренции. Чтобы избежать конфликта с дворцом, ПСР начала прибегать к консервативной интерпретации конституции, передавая многие полномочия премьер-министра королю. Например, в соответствии с новыми поправками в конституцию, премьер-министру были предоставлены широкие полномочия по назначению на руководящие должности в административной бюрократии. Поправка давала премьер-министру право назначать таких чиновников, как префекты провинций, послы, директора предприятий государственного сектора. Хотя эти полномочия были гарантированы конституцией, Бенкиран редко пользовался ими, опасаясь осложнить отношения с дворцом [24].

Растущая популярность Бенкирана в партии и в стране, последовательные успехи партии на выборах превратили её и её лидера в мишень. Победы ПСР на выборах вызвали в королевском дворце опасения, что партия создаст избирательный механизм, который невозможно будет регулировать с помощью стандартных процедур контроля над выборами. Как следствие, дворец беспокоился, сможет ли он контролировать политическую сцену в случае, если партия освободится от институциональных ограничений, установленных государством. Признаки растущей напряженности в отношениях между дворцом и исламистами проявились накануне и после выборов 2016 г. В течение избирательного периода власти королевства работали над созданием ряда препятствий и юридических мер для предотвращения дальнейшего укрепления позиций партии на выборах - в дополнение к обычно предпринимаемым ими шагам с целью контроля над политическим ландшафтом и провоцирования внутренних разногласий в стане оппозиции.

Ситуация накалилась после речи Бенкирана перед членами его партии в апреле 2016 г., в которой он выступил с плохо завуалированной критикой в адрес окружения короля. Кроме того, Бенкиран прямо раскритиковал Фуада Али Эль-Химму, личного советника короля, и обвинил его в том, что он стал символом «контроля» [25, p. 219]. Он также намекнул, что в королевском окружении есть коррумпированные деятели.

О раздражении королевского дворца свидетельствуют слова одного из представителей власти, что Бенкиран «в будни работает премьер-министром, а по выходным - политическим оппонентом» [26]. Крупная победа партии на выборах 2016 г. обернулась решением властей королевства саботировать сотрудничество с ПСР и добиться, чтобы Бенкиран был отстранен от партийного руководства. Королевское окружение сделало всё возможное, чтобы убрать ветерана Бенкирана с политической арены. Ему в течение 6 последующих месяцев не давали сформировать новое правительство. 15 марта 2017 г. король попросил Бенкирана уйти в отставку и позволить другому лидеру ПСР сформировать новое правительство. Новым генеральным секретарем партии и главой правительства стал С.Эль-Отмани.

Этот вынужденный шаг нанес большой удар по ПСР - в последующие годы партия не только почти раскололась на несколько фракций, но и, будучи правящей, совершила ряд принципиальных ошибок, стоивших ей поражения на следующих выборах. Кабинету исламистов во главе с Эль-Отмани пришлось пойти на такие противоречащие его консервативной идеологии шаги, как подписание договора о нормализации отношений с Израилем и принятие решения о легализации в стране каннабиса [27]. Это настроило марокканский электорат против партии накануне выборов 2021 г.

Кроме того, в 2017-2021 гг. королевские власти не оставляли попыток дальнейшего подрыва позиций исламистов. Когда в октябре 2017 г. в северном регионе Риф в Эль-Хосейме вспыхнули беспорядки после смерти местного продавца рыбы, по решению правительства некоторые протестующие были задержаны. Последующие действия монарха дискредитировали кабинет министров - Мухаммед VI помиловал задержанных и уволил трех министров и других должностных лиц, обвинив их в отсутствии прогресса в развитии региона Риф. Монарх пообещал устроить «политическое землетрясение», чтобы решить многие проблемы управления страной. Этот шаг укрепил имидж монархии как политического арбитра и подорвал образ исламистов как партии, близкой народу [19].

В результате на парламентских выборах 8 сентября 2021 г. партия заняла лишь 8-е место и смогла получить всего 13 мест, что было недостаточно даже для формирования парламентского блока. Это худший результат партии со времени выборов 1997 г., когда она получила 9 мест. На сей раз парламентским лидером стала партия либерального толка - «Национальное объединение независимых», получившая 97 из 395 имеющихся мест [27]. Эта партия, основанная покойным премьер-министром Ахмедом Османом в 1978 г., была на этих выборах фаворитом марокканских королевских властей.

Пока трудно прогнозировать развитие нынешнего кризиса внутри «Партии справедливости и развития» и его последствия для её дальнейшей судьбы. Непростой путь, пройденный ПСР, показывает, что у нее есть организационные возможности и институциональные механизмы, необходимые для управления внутренними разногласиями и возвращения симпатий своего электората. Партия сталкивалась с подобными испытаниями в прошлом и успешно с ними справилась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ траектории развития исламистских партий Туниса и Марокко в плюралистической конкурентной политической среде показывает, что переход к постисламизму не является простым и линейным. Задача состоит в том, чтобы перейти от классического исламизма, который рассматривает религию как источник законодательства, ориентир для поведения в обществе и основу для надлежащего управления, к более общему консерватизму. В результате, исламизм перестает быть ориентиром, опреде-

ляющим политические цели в стремлении к власти, он, скорее, становится практикой вынесения моральных суждений о политических действиях.

Если исламистский дискурс можно эффективно использовать для мобилизации сторонников и победы на выборах, то для управления государством и оправдания ожиданий своих избирателей от исламистских партий требуется совершить сдвиг в сторону прагматизма в ущерб их основополагающей идеологии. Нынешний внутренний кризис марокканской «Партии справедливости и развития» и продолжающиеся поиски баланса между традиционной идеологией и политической специализацией тунисской партии «Ан-Нахда» обещают иметь серьезные последствия. Особенно если этим партиям не удастся добиться поддержки со стороны своих традиционных избирателей.

Обе партии уже прошли непростой путь: для политического выживания и обеспечения своего активного присутствия на политической арене им пришлось адаптироваться к вызовам сложной социально-политической ситуации переходного периода. Они также продемонстрировали гибкость в поиске компромиссов, создании междеидеологических союзов и проведении разделительных линий между своей деятельностью по религиозной проповеди и политикой. Обе партии продолжают поиски баланса в сочетании правильных доз исламизма, демократии, плюрализма, светскости и национальных интересов.

В этой связи, на наш взгляд, постисламизм как значительный сдвиг парадигмы от исламизма - полезный концептуальный инструмент для изучения трансформации дискурса и политики современного политического ислама.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ayoob M. 2010. The Many Faces of Political Islam: Religion and Politics in the Muslim World. Ann Arbor: University of Michigan Press. 213 p.
2. Bayat A. 2007. Making Islam Democratic: Social Movements and the Post-Islamist Turn. Stanford, CA: Stanford University Press. 320 p.
3. Bayat A. 2013. Post-Islamism: The Many Faces of Political Islam. Oxford: Oxford University Press. 368 p.
4. Chamkhi T. 2014. Neo-Islamism in the Post-Arab Spring. *Contemporary Politics*. № 20 (4). Pp. 453-68.
5. Roy O. 2013. There Will Be No Islamist Revolution. *Journal of Democracy*. № 24 (1). Pp. 14-19.
6. McCarthy R. 2018. When Islamists lose: The politicization of Tunisia's Ennahda movement. *The Middle East Journal*. V. 72. № 3. Pp. 365-384.
7. Ben Salem M. 2018. Fluidité politique et transition incertaine d'Ennahdha vers l'islamo-démocratie. *Partis politiques et transitions démocratiques*. Tunis, Nirvana 267 p.
8. Pfeifer H. 2019. The Normative Power of Secularism. Tunisian Ennahda's Discourse on Religion, Politics, and the State (2011-2016). *Politics and Religion*. V. 12. Issue 3. Pp. 478-500. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1755048319000075>
9. Mahdavi Mojtaba. 2019. Whither Post-Islamism: Revisiting the Discourse/Movement after the Arab Spring. *Arab Spring and the Quest for New Metaphors: Modernity, Identity and Change*. New York: Palgrave MacMillan. Pp. 15-38.
10. Ben Lazreg H. 2021. Post-Islamism in Tunisia and Egypt: Contradictory Trajectories. *Religions*. № 12 (6). P. 408. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel12060408>
11. Imad Abdul Ghani. 2019. Post-Islamism: Ideological Delusions and Sociological Realities. *Contemporary Arab Affairs*. № 12. Pp. 3-20.
12. Marks M. 2017. Tunisia. *Rethinking Political Islam*. New York: Oxford University Press. Pp. 32-53.
13. Bar'el Zvi. 2018. 'Islamic Party's Secret Weapon in Tunisia Local Elections: A Jewish Candidate'. *Haaretz*. February 26. <https://www.haaretz.com/middle-east-news/.premium-islamic-party-s-secret-weapon-in-tunisia-elections-a-jewishcandidate-1.5849408> (accessed 23.04.2022)
14. Lafrance C. 2019. Tunisie: Riyada, l'Académie qui prépare la relève d'Ennahdha. *JeuneAfrique.com*. 21 juillet 2019.
15. Исаев Л.М., Айсин М.Б., Медведев И.А., Коротаев А.В. Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 4. С. 713-730. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-713-730
16. Issaev L.M., Aisin M.B., Medvedev I.A., Korotayev A.V. 2020. Islamic Terrorism in the Middle East and its Impact on Global Security. *RUDN Journal of Political Science*. 22 (4): 713-730 (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-713
17. Хайруллин Т.Р. Постисламизм: особенности, процессы и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. № 9. 2021. С. 34-39. DOI: 10.31857/S032150750016589-9
18. Khayrullin T. 2021. Post-islamism: features, processes and prospects. *Asia and Africa today*. № 9, pp. 34-39 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016589-9
19. Buehler M. 2013. Safety-Valve Elections and the Arab Spring: The Weakening (and Resurgence) of Morocco's Islamist Opposition Party. *Terrorism and Political Violence*. V. 25, № 1. Pp. 137-156. <https://doi.org/10.1080/09546553.2013.733274> (accessed 30.04.2022)
20. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог. М., ИАФР РАН, 2020. 210 с.
21. Islamic radical movements on the political map of the modern world. Sahara-Sahel zone and the Horn of Africa. 2020. Moscow. 210 p.

19. Mohamed Kareem Bokhsas. 2018. Hidden Information in the Relations between the Palace and Islamic Leaders. *Jaridat al-Ayam*. № 7971. March 15, 2018.
20. Saadeddine Othmani. 2009. Religion and Politics: Distinction, Not Separation. Arab Cultural Center. Dar AlKalema, Cairo. 157 p. (In Arab.)
21. Driss Maghraoui, Saloua Zerhouni. 2014. Searching for Political Normalization: The Party of Justice and Development in Morocco. *Islamist Parties and Political Normalization in the Muslim World*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. Pp. 112-133. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt6wr8hs.8> (accessed 27.04.2022)
22. Mohamed El Hachimi. 2015. Democratization as a Learning Process: The Case of Morocco. *The Journal of North African Studies*. V. 20. № 5. Pp. 754-769. <https://doi.org/10.1080/13629387.2015.1081463>
23. Desrues T. 2017. Le tahakkoum et la parlementarisation du régime politique marocain à l'aune des élections de 2016. *L'Année du Maghreb*. № 17. Pp. 285-309.
24. Morocco: Mohammed VI unhappy with Abdelilah Benkirane. July 20, 2016. <http://www.jeuneafrique.com/mag/342177/politique/maroc-mohammed-vi-mecontent-a-lencontre-dabdelilah-benkirane/> (accessed 28.04.2022)
25. Desrues T. 2018. Le Maroc en 2017: Gouverner la "Monarchie executive" ou les logiques de l'autoritarisme. *L'Année du Maghreb*. № 19. Pp. 211-232.
26. Tarek Benhada. 2017. Al-Ramid: There May Be Unknown Reasons for Morocco's Decision to Dismiss Benkirane. *Hespress*. March 18, 2017. <https://www.hespress.com/politique/343267.html> (accessed 29.04.2022)
27. Abdul-Wahab Kayyali. 2018. The lessons of history: The PJD and the history of partisan politics in Morocco. The Middle East Institute. <https://www.mei.edu/publications/lessons-history-pjd-and-history-partisan-politics-morocco> (accessed 30.04.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жерлицына Наталья Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН, Ученый секретарь Научного совета РАН по проблемам стран Африки, доцент РУДН, Москва, Россия.

Natalia A. Zherlitsina, PhD (History), Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Academic Secretary, Research Council for the problems of Africa, Russian Academy of Sciences, Associated Professor, RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.05.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.06.2022

Принята к публикации
(Accepted) 06.07.2022